

ВИКТОРИЯ СКАТОВА

Железные ставни

Картинки из старинной жизни

aegitas

Виктория Скатова

**Железные ставни. Картинки
из старинной жизни**

«Aegitas»

2018

УДК 371.13
ББК 84 Р

Скатова В.

Железные ставни. Картинки из старинной жизни / В. Скатова —
«Aegitas», 2018

ISBN 978-0-3694-0024-6

Они оба были одиноки. Они оба искали пристанища для своих душ. Старый и малый. Малый и старый. Но однажды они нашли друг друга. Они жили в городе, где никто друг с другом не считался, где никто не жалел бедняков, и никто не видел света. А они одни вышли из темноты: мальчик и Иван Иванович Орлов. И только соединившись в единое целое, они противостояли жестокой реальности. Но получится ли у них победить ее?

УДК 371.13

ББК 84 Р

ISBN 978-0-3694-0024-6

© Скатова В., 2018

© Aegitas, 2018

Виктория Скатова

Железные ставни

(Картинки из старинной жизни)

Все права защищены. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Текст Виктории Скатовой, 2018

© Издательство «Aegitas», 2019

* * *

*«Ох уж этот мир, где не равнодушны только сумасшедшие
чудаки».*

Иван Иванович Орлов выходил из дома всегда в одно и то же время, когда день устремлялся к вечеру, а солнце к закату и по крышам маленького провинциального городка пробегали тени проводов. Чтобы не видеть ничего ненужного, в любое время года и в любую погоду он надевал до нельзя изношенную кепку, надвигая ее по самые глаза. Он считал, что в кепке, даже такой, его могли окликнуть и «гражданин», и «товарищ», ну уж точно не «эй, ты». Чудо, чудо, что головные уборы делают с людьми.

Иван Иванович любил останавливаться возле маленькой грязноватой канавки. Там жили маленькие квакши, постоянно искавшие свою мать. А та, как нарочно, пряталась за острую осоку и издавала едва уловимое кваканье, которое не слышали дети. Иван Иванович любил смотреть на эти чудесные создания. Садился на корточки, протягивал ладошку и те без всякого страха запрыгивали на его большой палец. Тогда он радостно смеялся, и с его губ сыпались хлебные крошки, которые он никогда не смахивал, словно держа про запас. С ними Ивану Ивановичу было как-то спокойнее.

А с наглым круглоголовым серым котом Никифором с соседней улицы Орлов встречаться не любил. Тот всегда презрительно-брезгливо осматривал Иван Ивановича, словно говоря: «Вот я – кот, а ты кто такой?» И ждал, когда Орлов уступит ему узкую тропинку.

Людей Орлов обходил не то, чтобы стороной, он просто не любил разговаривать. То ли ему нравилось молчание, то ли от недалекого ума. Он был как закрытая шкатулка, в которой что-то лежит, а взять не получается.

Городскими новостями он не интересовался, на лице его была написана такая усталость и отстраненность от мира, словно он хотел сказать «А ну вас всех». Казалось, что все вокруг ему смертельно надоело, и он ждал какого-то часа, который он сам себе назначил, чтобы навсегда покинуть этот город и когда он смотрел в окно, ему виделась зовущая его в путь дорога.

Орлову было 43 года. Но все прибавляли ему лишних 20 лет. Когда он просыпался в замятой, жесткой, как он сам, кровати и касался своего лица, то ...ба, ба не находил ни жиринки, ни складочки. Они часто пропадали от голода: обижались и уходили, не прощаясь, но всегда готовые вернуться.

Орлов стал привыкать к мысли, что с каждым новым днем он исчезает и исчезает и когда-нибудь его вообще не будет, только останется валяться в углу его кепка. Даже черные коты перестали перебегать ему дорогу, не видели смысла. Но он знал, что у Господа Бога нет книги жалоб и предложений и у Него для каждого свой срок. Только разный... Дни были однообразны, как вид из окна.

Ходил он всегда сгорбленным. Нос его все больше и больше втягивался, чувствуя свою неостребованность и поэтому брови казались необыкновенно широкими, словно испачканные сажей, и были как бы сами по себе.

Сами по себе были и глаза – необыкновенного изумрудного цвета. Если бы они только могли превратиться в драгоценные камни! Он, не задумываясь, вырвал бы их и продал. Тогда он купил бы сразу аж 5 пакетов муки и испек бы пирог. Да, что там пирог! Он испек бы торт! Торт своей мечты!

У Ивана Ивановича была одна слабость. Когда все, так называемые «нормальные» люди отправлялись в трактиры или принимались за чтение дурных газет, он открывал свой заветный сундучок и брал в руки старые потрепанные журналы с кулинарными рецептами, манившие его своими волшебными картинками и несбыточными желаниями. Они настолько далеко уходили за грань его реальности, что он, читая какой-нибудь рецепт, лишь представлял, как его руки катали бы тесто и украшали бы торт белым, пахнущим ванилью, кремом.

Но все на свете имеет право заканчиваться. Часто так случалось, что «Кулинарная страница» с каким-нибудь особенно заманчивым рецептом оказывалась залитой чернилами или вовсе обрывалась какими-то распадавшимися буквами. Иван Иванович пытался, перебирая в голове все буквы, восстановить написанное, но потом отказался от этой затеи. От злости он забрасывал журнал в самый дальний угол и давал себе слово никогда не читать ничего подобного. Но не проходило и минуты, как журнал снова оказывался в его руках. И все повторялось заново. Ведь каждому нужна сказка на ночь.

В другом пыльном углу поселился на удивление толстый паук, чьи изысканно-затейливые сети никогда не пустовали. Иван Иванович глотал слюну и воображал себя вольным пауком: он плел бы свою паутину, ловил бы мух, завел бы знакомство с паучихой... Все непременно! Женщины! Ее ласковой руки ему не хватало! Чтобы, проснувшись, было кому сказать «Доброе утро», а вечером «Спокойной ночи». Вот для кого он пек бы свои пироги и торты. Ведь незнакомы, еще не значит, что далеки. Последней, что жила у него, была Агафья Стремина. Но и та бросила его, когда его выгнали с места.

«Прошли за днями дни,

Сокрылось много лет,

Где вы, бесценные создания?

Иные далеко, иных уж в мире нет.»

Как хорошо, что у Пушкина была его Натали!

Когда-то и у Ивана Ивановича строки сыпались щедро, словно из широкой купели.

Но... не потеряй свою реальность – одергивал себя он.

Сегодня Орлов решил сделать подарок своему носу и пойти в лавку к Ясинскому. Когда-то они вместе учились и даже дружили. От Ясинского Ивану Ивановичу перепадали черствые булочки, которые наверняка, никто уже не купит и прочая залежалая провизия. Но Орлов искренне считал, что все это он берет в долг.

Лавка была закрыта. Иван Иванович подумал, что он опоздал и Ясинский, который был педантичен как немец, начинавший свой завтрак в 6.46, закрыл свою лавку на ночь.

Он прошел мимо водопроводной колонки, скрюченной на правую сторону, словно ее нещадно били, хотя плохого она ничего не сделала, разве что струя у нее была маленькая. Это можно было бы поправить, если бы люди захотели. Но люди не хотели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.